

Алексей Толстой (1817–1875)

Граф Алексей Константинович Толстой родился 24 августа 1817 года в Петербурге. Мать его — красавица Анна Алексеевна Перовская, воспитанница графа А.К. Разумовского, в 1816 года вышла замуж за пожилого вдовца графа Константина Петровича Толстого (брата известного художника-медальера Ф. Толстого). Вскоре между супругами произошел разрыв. А.К. Толстой писал:

«Шести недель я был увезен в Малороссию матерью и моим дядей со стороны матери, Алексеем Алексеевичем Перовским... Он меня воспитал, и первые мои годы прошли в его имении».

В восемь лет Алексей с матерью и дядей возвращается в Петербург. Друг дяди В. Жуковский представил мальчика его ровеснику, будущему императору Александру II. Толстой вместе с другими детьми по воскресеньям приходил играть с наследником. Дружба эта продолжалась в течение всей их жизни.

В 1826 году Толстой с матерью и дядей отправляется в Германию; в Веймаре они посещают Гете. Особое впечатление производит на мальчика Италия. Позже Толстой вспоминал:

«Мы начали с Венеции... Из Венеции мы поехали в Милан, Флоренцию, Рим, Неаполь — и в каждом из этих городов росли во мне мой энтузиазм и любовь к искусству, так что по возвращении в Россию я впал в настоящую “тоску по родине”, в какое-то отчаяние, вследствие которого я днем ничего не хотел есть, а по ночам рыдал, когда сны уносили меня в мой потерянный рай».

Получив хорошую домашнюю подготовку, Толстой в середине 1830-х поступает в число «архивных юношей», состоявших при московском архиве Министерства иностранных дел. В 1836 году он держит экзамен в Московском университете «по наукам, составлявшим курс бывшего словесного факультета». Причисленный вначале к русской миссии при германском сейме во Франкфурте-на-Майне, он затем переходит на службу во II Отделение собственной его императорского величества канцелярии. Толстой часто ездит за границу, ведет светскую жизнь. В 1855 году, во время Крымской войны, Толстой пытается организовать особое добровольное ополчение, но терпит неудачу и поступает в число охотников «стрелкового полка императорской фамилии». Участвия в военных действиях он не принимал, но едва не умер от тифа. Во время болезни за ним ухаживала С.А. Миллер (Бахметьева), ставшая позднее его женой. В 1856 году во время коронации Александр II назначает Толстого флигель-адъютантом, а затем, после увольнения с военной службы, егермейстером. В этом звании, не неся никакой службы, он оставался до самой смерти. С середины шестидесятых годов его некогда богатырское здоровье (он разгибал подковы руками) пошатнулось. Жил он поэтому большей частью за границей: летом — на курортах, зимой — в Италии и Южной Франции, но часто навещал и свои русские имения. Умер Толстой в России 28 сентября 1875 года.

А.К. Толстой — редкий пример человека, который всеми силами уклонялся от предложенных ему почестей. Близость к императору не прельстила удивительно благородную и чистую душу поэта. Толстой стремился быть «только» художником. В поэме, посвященной жизни Иоанна Дамаскина, можно найти мотивы почти автобиографические:

...любим калифом Иоанн,
Ему, что день, почет и ласка...
Простым рожден я быть певцом,
Глаголом вольным Бога славить...

О, отпусти меня, калиф,
Дозволь дышать и петь на воле!

Писать и печататься Толстой начал очень рано. Уже в 1841 году был опубликован его фантастический рассказ в стиле Гофмана «Упырь». Длительный промежуток времени отделял первое появление Толстого в печати от действительного начала его литературной карьеры. В 1854 году в «Современнике» выходит ряд его стихотворений, обративших на себя внимание читающей публики. Толстой был хорошо знаком с Гоголем, Аксаковым, Анненковым, Некрасовым, Панаевым, особенно близок с Тургеневым, который в 1852 году был освобожден от ссылки в деревню во многом благодаря хлопотам Толстого.

В 1854–1855 в «Современнике» появляется цикл юмористических стихотворений, подписанных псевдонимом Козьма Прутков. В создании этого коллективного автора Толстой принимал активное участие. Он обладал даром весьма тонкой, но добродушной насмешки. Многие его лучшие стихотворения обязаны своим успехом прежде всего иронии, в них разлитой. Большое место занимают юмористические пассажи и в цикле толстовских обработок былинных сюжетов. Этот, по мнению некоторых, весьма «консервативный» поэт написал несколько юмористических поэм, попавших в печать только в 1880-х годах. Особый интерес представляют две из них: «Очерк русской истории от Гостосмысла до Тимашева» и «Сон Попова». Первая представляет почти полное юмористическое обозрение главных событий русской истории с постоянным припевом: «порядка только нет».

Толстой тесно сотрудничает с московскими славянофилами: в «Русской беседе» печатаются его поэмы «Грешница» (1858) и «Иоанн Дамаскин» (1859). Затем Толстой становится деятельным участником «Русского вестника» Каткова, где были напечатаны драматическая поэма «Дон Жуан» (1862), исторический роман «Князь Серебряный» (1863) и ряд сатирических стихотворений, направленных против материализма шестидесятых годов. В «Отечественных записках» (1866) была напечатана первая часть драматической трилогии Толстого — «Смерть Иоанна Грозного». В 1868, после преобразования газеты «Вестник Европы» в общелитературный журнал, Толстой становится его деятельным сотрудником. Здесь кроме былин и ряда стихотворений печатаются вторая и третья части исторической трилогии — «Царь Федор Иоаннович» (1868) и «Царь Борис» (1870), стихотворная автобиографическая повесть «Портрет» и написанный в стиле Данте рассказ в стихах «Дракон».

Лирику Толстого больше отличает легкая, грациозная грусть, казалось бы, ничем определенным не вызванная. В поэмах господствует прежде всего описательность, Толстого мало занимает психология действующих лиц. Среди баллад и сказаний Толстого особое место занимает «Василий Шибанов»; по изобразительности, концентрированности эффектов и сильному языку это одно из лучших произведений Толстого. Герои русских былин в изображении Толстого напоминают французских рыцарей. Довольно трудно узнать подлинного вороватого Алешу Поповича с «глазами завидующими и руками загребущими» в том куртуазном трубадуре, который, полонив царевну, катается с ней на лодочке. Несмотря, однако, на несколько условный стиль толстовских былинных переработок, нельзя не признать наличие в их нарядном архаизме большой эффектности и своеобразной красоты. Толстой становится крупнейшим выразителем особого течения, получившего позднее название «эклектика, или историзм», охватившего в середине XIX века все мировое искусство.

«Либеральные» критики называли его поэзию типичным образцом «чистого искусства», но принять это определение можно только с большими оговорками. В его стихах на древнерусские сюжеты отчетливо выражаются и политические взгляды Толстого.

Славянофила в лучшем смысле этого слова, Толстого в старой Руси привлекает, однако, не московский период, омраченный жестокостью Грозного и рабованием толпы перед царями, а Русь Киевская, вечевая. Когда Поток-богатырь, проснувшись после пятивекового сна, видит пресмыкающиеся перед царем толпы, он говорит:

«Если князь он, иль царь напоследок,
Что ж метут они землю пред ним бородой?
Мы честили князей, но не этак!
Да и полно, уж вправду ли я на Руси?
От земного нас Бога Господь упаси!
Нам писанием велено строго
Признавать лишь небесного Бога!»

В «Змее Тугарине» устами князя Владимира Толстой провозглашает:

...за древнее русское вече!
За вольный, за честный славянский народ!
За колокол пью Новограда
И если он даже и в прах упадет
Пусть звон его в сердце потомков живет...

Толстой тем не менее был зачислен в разряд писателей, откровенно ретроградных. Причиной тому, возможно, послужили весьма чувствительные нападки на «детей» базаровского типа. Толстого раздражало в них главным образом то, что

Они звона не терпят гусярного,
Подавай им товара базарного!
Все, чего им не взвесить, не смеряти,
Все, кричат они, надо похерити...

Это уже не добродушная ирония над материалистами, «у коих трубочисты суть выше Рафаила», которые цветы в садах хотят заменить репой и полагают, что соловьев «скорее истребить за бесполезность надо», а рожи обратить в места, «где б жирные говьяда кормились на жаркое», и т. д. Весьма широко раздвигая понятие о «российской коммуне», Толстой полагает, что ее приверженцы «все хотят загадить для общего блаженства», что «чужим они немного считают, когда чего им надо, ташут и хватают»; «в одном согласны все лишь: коль у других именье отымешь да разделишь, начнется вожделье». Справиться с ними, в сущности, не трудно: «чтоб русская держава спаслась от их затеи, повесить Станислава всем вожакам на шею». Подобные выступления вызвали немедленную враждебную реакцию.

Наиболее полно литературный талант Толстого реализовался в области исторической драмы. Трилогия Толстого, вызвавшая большой резонанс в России и имевшая небывалый успех на сцене русского театра, и по сей день остается одной из крупнейших вершин русской драматургии.